

Ю. А. Дзиццойты

ЮОГУ им. А. А. Тибилова, Цхинвал

АРХАИЗМЫ В ТОПОНИМИИ ОСЕТИИ: НАЗВАНИЯ ПАСТБИЩ

1.1. В настоящей статье рассматриваются пять географических терминов, значение или происхождение которых недостаточно ясны. Они принадлежат скотоводческой лексике и в прошлом, как мы полагаем, были не только составной частью соответствующих онимов, но и самостоятельными апеллятивами, означающими различные виды пастбищ.

1.2. Скотоводство у осетин в этнографическом плане хорошо изучено [Калоев 1993]. Достаточно подробно описаны, в частности, пастбищное хозяйство и связанная с ним терминология [Абаев 1949: 56–59; Калоев 1993: 97–129; Калоев 2015: 164–174; Магомедов 2011: 64–80; Гамкрелидзе 1980; Цховребов 1986]. Однако, как видно из данных топонимии, терминов, обозначающих пастбища, в прошлом было больше.

1.3. В осетинском языке имеются следующие термины, обозначающие пастбища, стоянки, загоны: *daræn(tæ)* ‘стойбище’, *æmdaræn* ‘место совместной стоянки пастухов’, *ærnæg* ‘общий выгон’, *xiz* ‘пастбище, выгон’, *xizæn(wat)* || *xeznæ* ‘пастбище’, *xizændon* ‘выгон’, *fosxizæn* ‘общий выгон’, *qomxizæn* ‘пастбище крупного рогатого скота’, *qomlæwwæntæ* ‘стоянка крупного рогатого скота’, *ræzdaræn*, *læzdaræn* ‘место, где держат молодняк’, *særvæt* ‘выгон’¹. В топонимии Осетии представлены и другие

---

¹ В топонимии Осетии находим еще термины *badæn* ‘место временного содержания скота’ [Цагаева 1975: 355, 365], *ræz* ‘место, где держат молодняк, немолочный скот’ [ТЮО, I: 135], не отраженные в этнографической литературе, хотя первый из них зафиксирован в одном из словарей [ИÆД, II: 21].

Русское диалектное *баз* || *базók* ‘загон, скотный двор’ возводят к древнеиранскому **ира-аза-* ‘загон’ [Трубачев 1986: 570–571]. Поскольку др.-иран. **ира-* в осетинском языке регулярно отражается в виде *ba-* [Абаев 1958: 231; Чёнг 2008: 119], полагаем, что источником русского

термины скотоводства, не отраженные словарями осетинского языка, к рассмотрению которых мы переходим.

2. Осет. (ирон.) *cyrt*, (диг.) *cirt*, (кудар.) *šyrt* ‘памятник’².

2.1. В Северной Осетии зафиксированы следующие топонимы: *Agojy cyrt* ‘Надгробие Аго’ — пастбище [Цагаева 1975: 529], *Aslæmyrzæjy cyrt* ‘Памятник Асламурза’ — одинокое надгробие [Там же: 547], *Ældarrezæn cirtzævæn* ‘Надгробие того места, где дрожал князь’ — место с несколькими крупными валунами [Там же: 379], *Bagkajy cyrt* ‘Надгробие Багка’ — пахотное поле [Там же: 443], *Bebajy cyrt* ‘Надгробие Беба’ — одинокий надгробный памятник [Там же: 492], *Bezyry cyrt* ‘Памятник Безира’ — одинокий памятник в поле [Там же: 492], *Bibojy cyrt* ‘Памятник Бибо’ — луг [Там же: 26], *Bic’ury cyrt* ‘Надгробие Бицира’ — пахотное поле [Там же: 530], *Cællagty cyrt* ‘Надгробие Цаллаговых’ — пашня с одиноким надгробием [Там же: 177], *Ceqojy cyrty rağ* ‘Хребет с надгробием Цеко’ — пастбище [Там же: 108], *Cirtzævænti budur* ‘Поле с надгробиями’ — покосный участок [Там же: 486], *Cirti ġærong* ‘Лощина с захоронением’ — луг с древним могильником [Там же: 375], *Cirti rağ* ‘Возвышение с надгробием’ — пастбище [Там же: 375], *Cirti xonsar* ‘Солнечная сторона с захоронениями’ — пашня [Там же: 375–376], *Cirttæ* ‘Могилы’ — пашня [Там же: 376], *Cirttægtæ* ‘Надгробные памятники’ — пашня с несколькими длинными вертикальными камнями на меже [Там же: 376], *Cyppar cyrty* ‘Четыре памятника’ — пастбище с четырьмя памятниками [Там же: 546], *Cyrt* ‘Надгробие’ — святилище возле одинокого надгробия [Там же: 289], *Cyrty byntæ* ‘Ниже надгробия’ — пашня [Там же: 276], *Cyrty cægat* ‘К северу от надгробия’ — участок леса [Там же: 528], *Cyrty fars* ‘Склон с надгробием’ — пашня [Там же: 178], *Cyrty farsy хвум* ‘Пашня на склоне с надгро-

слова стало несохранившееся в осетинском языке сарматское или аланское **baz(æ)* || **bazæg* ‘загон’. Не исключено, что это слово отложилось в топониме *Vaz-an-a* (название луга), о котором см. [Цагаева 1975: 79].

² Соответственно и в приводимых ниже примерах все топонимы с индикатором *cyrt* являются иронскими, топонимы на *cirt* — дигорскими, а топонимы на *šyrt* — кударскими.

бием' — пашня [Там же: 276], *Cyrty fæz* 'Поляна с надгробием' — луг [Там же: 108], *Cyrty obaw* 'Курган с надгробием' — курган [Там же: 513], *Cyrty rağ* 'Хребет с надгробием' — пастбище [Там же: 108], пашня на холме [Там же: 178], развалины селения на пригорке [Там же: 193], пастбищный хребет [Там же: 276], *Cyrty sær* 'Выше надгробия / Выше захоронения' — утес [Там же: 12], *Cyrty sær(tæ)* — пастбище и луг [Там же: 50], *Cyrty særy fændag* 'Дорога выше надгробия' [Там же: 193], *Cyrtytæ* 'Надгробия' — пастбища [Там же: 178], *Cyrty wælvæz* 'Плато с надгробием' — луг [Там же: 276], *Cyrty xussar* 'Южный склон с надгробием' — пастбище [Там же: 276], *Ķysyt'ijy cyrt* 'Надгробие Чысыти' — пастбище с одиноким надгробием [Там же: 278], *Ķadijy cyrt* 'Надгробие Дзади' — пастбище с одиноким надгробием [Там же: 234–235], *Ķilakki cirt* 'Надгробие Дзилакка' — весенние пастбища [Там же: 338], *Fæscyrt* 'Позади надгробия' — пашня [Там же: 170], покосный участок [Там же: 478], *Fætæn cyrt* 'Широкое надгробие' — пашня, где когда-то было надгробие [Там же: 170], *Gagkajy cyrt* 'Памятник Гагка' — пашня [Там же: 81], *Gæžynaty cyrtytæ* 'Памятники Гаджиновых' — несколько памятников [Там же: 548], *Gosaty cyrtytæ* 'Памятники рода Госа' — пастбище [Там же: 532], *Gosæzijy cyrt* 'Надгробие Госази' — гора [Там же: 403], *Gwumyzijy cyrt* 'Надгробие Гумудзи' — пастбище [Там же: 230], *Gwyrzijy cyrtu fars* 'Возле памятника Гурдзи' — родник на пахотных полях [Там же: 408], *Idæзу cyrt* || *Ik'ajy cyrt* 'Надгробие Ика' — дорога для перевозки сена [Там же: 115], *Kwузу cyrt* 'Собачье надгробие' — луг и пастбище [Там же: 241], *K'æjyn cyrt* 'Надгробие из шифера' — пастбище [Там же: 89], *Mamaj cirtzævæn* 'Надгробие Мамая' — надгробный памятник у дороги [Там же: 385], *Sidæjy cyrt* 'Надгробие вдовы', или 'Надгробие Сиды' — пастбище с одиночным надгробным памятником [Там же: 87], *Tegkojy cyrtu wælbyl* 'Выше надгробия Тегко' — пахотное поле [Там же: 474], *Tetajy cyrt* 'Памятник Тета' — пахотное поле [Там же: 541], *Хæmicati cirtzævæntæ* 'Надгробия Хамицаевых' — надгробные памятники у дороги [Там же: 391], *Хwуриату cyrtytæ* 'Надгробия Хуриевых' — надгробные памятники у дороги [Там же: 118], *Zylyn cyrt* 'Кривое надгробие' — пастбище [Там же: 536].

2.2. Аналогичные топонимы известны и в Центральной Осетии: *Cyrty fætæn* ‘Равнина с надгробием’ — луг с одиноким надгробием [ТТУ: 588], *Cyrty swar* ‘Источник у надгробия’ — минеральный источник возле одинокого надгробия [Там же: 552], *Cyrtyxox* ‘Гора с надгробием’ — гора [Там же: 544], *Cyrty xussar* ‘Южный склон с надгробием’ — пашня с одиноким надгробием [Там же: 588], *Cyrty zængtæ* ‘Полосы у надгробия’ — пастбищные полосы с одиноким надгробием [Там же: 588], *Fæscyrttæ* ‘Позади надгробий’ — луг [Там же: 582], *Fæscyrtytæ* ‘id.’ — пашня позади нескольких надгробий [Там же: 582], *Glaxaju cyrtytæ* ‘Памятники, поставленные Глаха’ — пастбище с надгробиями [Там же: 560], *Qomgæsy cyrt* ‘Надгробие пастуха’ — луг с одиноким надгробием [Там же: 586].

2.3. В Южной Осетии находим: *Cyrt* ‘Памятник’ — название склепа [ТЮО, III: 304]³, *Cyrty byn* ‘Ниже памятника’ — лес [ТЮО, I: 102] и пашня [Там же: 252], *Cyrty rağ* ‘Холм с памятником’ — луг [Там же: 126], *Cyrty sær* ‘Выше памятника’ — луг [Там же: 126], *Cyrty zæng* ‘Пригорок с памятником’ — пригорок [ТЮО, III: 167], *Daëllag cyrtyvæz* ‘Поляна нижнего памятника’ — луг [ТЮО, I: 114], *Daëllag kwyžu šyrt* ‘Нижний памятник собаки’ — скала [Там же: 421], *Noraju cyrt* ‘Памятник Норе’ — (?) [Там же: 192], *Waëllag cyrtyvæz* ‘Поляна верхнего памятника’ — луг [Там же: 123], *Šyrtu rağ* ‘Хребет у памятника’ — луг [Там же: 262], луг [Там же: 473], *Šyrtu sær* ‘Выше памятника’ — пашня [Там же: 253], *Šyrtytæ* ‘Памятники’ — пастбище [Там же: 372], *Šyrtu žyqqytæ* ‘Овражки у памятника’ — луг [Там же: 262], *Waëllag kwyžu šyrt* ‘Верхний памятник собаки’ — скала [Там же: 424], *Zacaju cyrt* ‘Памятник Заца’ — гора [ТЮО, II: 365].

2.4.1. Среди топонимов с индикатором *cyrt* || *cirt* || *šyrt* имеется 25 названий, прикрепленных к различным надгробиям — стеле, надмогильному камню, кургану, склепу. Но 15 других топонимов прикреплены к пастбищам, 16 — к пашням, 15 — к лугам / покосным участкам, 7 — к горам / скалам / утесам, 2 — к

³ В настоящей статье цитируются как изданные тома «Топонимии Южной Осетии» [ТЮО, I, II], так и готовящийся к изданию третий том, страницы в котором указываются по рукописи.

лесам и по одному — к развалинам села, к дороге и урочищу. Т.е. надгробия в этом списке представлены в меньшинстве, составляя чуть больше 30%. Около 60% топонимов, несмотря на наличие в них анализируемого индикатора, не имеют отношения к надгробиям. Более того, те из них, которые, по определению А. Д. Цагаевой, являются названиями одиноких надгробий, расположенных на пастбищах, пашнях и лугах, в действительности таковыми могут и не быть. Перевод А. Д. Цагаевой основан, надо полагать, на общем значении термина *cyrt*, а также на информации местных жителей о наличии на соответствующем географическом объекте некоего *cyrt*'а в виде камня или сланцевой плиты. Однако, не слишком ли много «одиноких надгробий» на высокогорных лугах и пастбищах, заведомо не пригодных для захоронения, при полном отсутствии информации о захоронениях под ними? Неясен ни выбор места захоронения, ни одинокий характер самих «захоронений»⁴.

С другой стороны, название скал *Daellag kwyžy šyrt* 'Нижний памятник собаке' и *Waellag kwyžy šyrt* 'Верхний памятник собаке' подозрительно уже в силу своей странной семантики: в Осетии никогда не ставили памятников собакам. Конечно, можно предположить здесь переосмысление исходного названия: в осетинской антропонимии весьма многочисленны мужские имена собственные, являющиеся производными от апеллятива *kwyž* 'собака'. Обычно эти имена состоят из апеллятива *kwyž* + суффикс. Но в топонимии Северной Осетии находим случай неоформленного антропонима — *Kwyžy kærstyta* 'Покосы Кудза', где *kwyž* 'собака' — возможно, личное имя [Цагаева 1975: 241]. Ср. также топоним *Kwyžy cyrt* в Северной Осетии. Однако и при таком допущении остается неясным, почему у предполагаемого *Kwyž'а было два памятника (и, соответственно — две могилы?): «верхний» и «нижний»?

---

⁴ В Осетии существовала практика ставить памятные камни (*cyrtta*) в честь павших в бою людей на обочине оживленной дороги [Алборов 2005: 152; Чочиев 1985: 100–101], вдали от места их гибели и захоронения, там, где об их подвиге могло узнать большее количество людей. Но горные тропы не пригодны для этих целей.

Но что самое главное, прикрепление термина *šyrt* к скале, заведомо непригодной для захоронения, подсказывает, что под рассматриваемым топонимом скрывается не «надгробие», а какой-то другой объект, по форме похожий на надгробие, но отличающийся от него по функции⁵.

2.4.2. Невозможность видеть под каждым *cyrt*'ом надгробие в свое время подтолкнула нас к поискам иного понимания и иной этимологии для этого слова. Мы обратили внимание на созвучное слово в тюркских языках: балкаро-карачаевское *sərt* 'возвышенность; пастбище' [ТЮО, I: 421], огузское *sirt* 'нагорная долина; ручей в горах' и т.п. [ТЮО, II: 365]. Тогда мы еще не знали о таком ныне практически полностью утраченном значении осетинского *cyrt*, как 'каменный столб, служащий указателем границ; межевой знак', хотя сами отмечали данное значение в связи с другим географическим объектом (подробнее — ниже) [Дзиццойты 2017b: 258–266].

Поиски исходного значения рассматриваемого слова привели нас к автобиографической повести осетинского писателя Gabuty Hazbi, родившегося в высокогорном селении Дзауского района Южной Осетии. Описывая свое детство, автор в числе прочего поведал читателю об одом любопытном *cyrt*'е, похожем на каменный столб (*dury cæžunzaw*), увиденном им на гребне горного хребта (*raŋu c'uppyl*) недалеко от родного аула. Не зная о назначении этого камня, много лет спустя Gabuty Hazbi обратился за разъяснениями к своему старшему коллеге, который сообщил, что «это один из пастушеских *cyrt*'ов, указывающих на границы пастбищ» (*wyj, dam, fijjawtty cyrtytæj u, sæ særvætty arængæron ævdisæg*) [Габуты 2010: 108]. Т.е. пастухи, избегая пастьбы не на своем участке, устанавливали на границах пастбищных угодий вертикальные камни, которые и назывались *cyrt*'ами⁶.

⁵ Как это видно из этнографической литературы, в высокогорной зоне Осетии на неудобных для вспашки и соответственно захоронения участках земли в прошлом строились наземные и полуподземные склепы [Дзаттиаты 2005: 47–48].

⁶ Этнографы отмечают, что у осетин «каждое селение зорко следило за сохранностью границ собственных пастбищ» [Чиковани 1979: 70]. То же самое практиковалось у многих других народов. На Русском Севере,

2.4.3. Ни в осетинских словарях, ни в этнографической литературе по осетинам такое значение слова *cyrt* нам не встречалось⁷. Не знали его и наши предшественники по изучению топонимии Осетии, иначе не стали бы переводить все объекты, нареченные этим словом, как ‘надгробие’, ‘памятник’.

Значение ‘указатель’ для слова *cyrt* зафиксировано и в языке нартовского эпоса, где *k'æjyn cyrt* ‘сланцевый цирт’ — это указатель пути, возле которого в качестве охранника стоит *fændažy bardwag* ‘покровитель дороги’ [НК, VI: 130]⁸. В комментарии к данному тексту сказано, что *cyrt* в горах Осетии — это ‘указатель дороги (*fændagamøn nysan*) в виде каменной кладки (*durty amassag*)’. Такие цирты строились вдоль горных дорог, чтобы путник не сбился с пути в зимнее время или во время тумана [НК, VI: 479–480].

Значение ‘указатель’, судя по этимологии, было у слова *cyrt* исходным. Напомним, что В. Ф. Миллер возвел осет. *cyrt* к древнеиранскому **čīθra-* ‘знак’ [Миллер 1882: 55] и эта этимология принята всеми исследователями [Абаев 1958: 325–326; ЭСИЯ, II: 258; Боголюбов 2012: 84, 85; Чёнг 2008: 54]. В качестве семантической параллели можно указать на древнегреческое *σημα* ‘знак’ > ‘могила; надгробный памятник’ [Buck 1949: 914]. А если учесть, что др.-иран. **čitra-* || **čīθra-* является производным от глагола **kait-* : *čit-*, **čait-* ‘показывать(ся); быть / делать заметным; блестеть; светиться’ [ЭСИЯ, IV: 186], то становится ясным привлечение к сопоставлению с осетинским *cyrt*, помимо

например, общество следило «за порядком междеревенского (межобщинного) землепользования: границами участков выпаса скота, его прогона к местам пастбы, огораживанием угодий и т. п.» [Финченко 1993: 245].

⁷ Ср. в этнографической литературе: «Участки [пахотной земли. — Ю. Д.] ограничивали друг от друга межевыми камнями — *дур барæгганæн* и оставляли посредине необработанную узкую пограничную полосу — *шихиани барæгганæн* [= *се 'хсæны барæгганæн*. — Ю. Д.]. Иногда в значении границы между участками выступали террасы сапп» [Гамкрелидзе 1980: 61].

⁸ В типологическом плане ср. в пантеоне древнеримской мифологии божество «Термин», охранявшее т.н. «термы», т.е. пограничные камни, столбы, борозды и пр., считавшиеся священными.

авестийского *čīdra-* ‘очевидный, явный, видимый’, ‘лицо; облик’, ‘демонстрация, показ’, парфянского *čīhrag* ‘форма, вид, образ’, хотаносакского *cira-* ‘видимый’ и т.п. [ЭСИЯ, II: 257–258], еще и афганского (пушту) *cəlay* (< **čīta-ka-*) ‘колонна, столб; пирамида, обелиск; горка камней на могиле; памятник; межевой знак; вышка, шалаш; кольцо, перстень’ и белуджского *čēdag* ‘каменный столб, размечающий дорогу’ [ЭСИЯ, IV: 186].

Для нашей темы особенно показательны значения афганского слова. Следует при этом учесть, что и у осетин ‘памятник’ первоначально представлял собой обычный камень или кучу камней на могиле⁹. Вот что сказано об этом в этнографической литературе: «Иногда над могилой выстраивали “цырт” в виде усеченной четырехгранной пирамидки. В некоторых местах у изголовья укреплялась сланцевая плита¹⁰ примитивно-антропоморфного типа. Более состоятельные устанавливали на могиле плиту — стелу с символическим изображением покойника, эпитафией и пр. В более позднее время на могиле ставили тесаный из камня памятник также с эпитафией, рисунками и пр.» [Дзаттиаты 2005: 49–50].

2.4.4. С другой стороны, как об этом свидетельствует археологический материал из высокогорного селения Едыс (Дзауский район), на могилах в качестве памятника часто ставили речной булыжник: «При снятии верхнего слоя очень часто обнаруживались речные булыжники продолговатой формы <...> Обычное расположение их — между могилами в вертикальном по-

⁹ В стихотворении осетинского поэта И. Дзанайты (1896–1947) находим следующую строку: *Cyrtaen un æz durtae hæszynæn!* «Для (возведения) ему памятника я буду таскать камни!» [Нигер, I: 331]. Отсюда видно, что в горах Осетии примитивный надмогильный памятник еще в недавнем прошлом представлял собой кучу камней. Об этом же говорит заимствованное из аланского языка сванское *čirt* ‘куча камней’ [Абаев 1958: 326]. Ср. также топоним *Nygænæn durtae* ‘Погребальные камни’ — название пашни [Цагаева 1975: 249]. Крайне интересно, что и некоторые святилища в горной Осетии представляют собой кучу / навал камней.

¹⁰ Для такого рода памятников существует специальное название *k’æjyn cyrt* ‘сланцевый памятник’ [Нартæ 1975: 43].

ложении, что позволяет предположить их использование в качестве ориентиров: они должны были указывать на границы могил, дабы при последующих захоронениях могилы не подвергались разрушению. Обычно это гладкие черные камни — гольши, иногда с включением кварцев — “дзæнхъа”» [Дзаттиаты 2002: 56–57].

К этому описанию следует добавить наши полевые наблюдения, сделанные в высокогорном селении Бадзыгат (Дзауский район). На прилегающем к селению кладбище нет ни одного памятника в современном понимании этого слова. У изголовья каждого захоронения стоит всажённый в землю речной гольш овальной формы размером до 50 см., который брали в местной речке. На гольшах нет ни надписей, ни изображений, они давно затянута дерном, и в целом кладбище мало чем отличается от обычного луга. О месте захоронения жители села знают по устной традиции¹¹. По сообщению местных жителей, незадолго до нашей поездки (лето 1978 г.) старейший житель села, наметив место для своего погребения, загодя посадил у изголовья белый речной гольш. Именно такие памятники-указатели и были замечены со временем памятниками современного типа. Неудивительно, что синонимами слова *cyrt* ‘памятник’ в осетинском языке являются *dur* ‘камень’, *mardy dur* ‘камень, (предназначенный для) покойника’, *ingæny dur* ‘надгробный камень; надгробная плита’, букв. «камень, (стоящий) на могиле», «tombstone»¹².

Таким образом, современное значение ‘надгробный камень, могила, памятник’ [Миллер 1934: 1686; Абаев 1958: 325] у слова *cyrt* развилось из более раннего значения ‘знак / указатель’, другая линия развития которого привела к значению ‘пограничный знак’, ‘межевой указатель’, ‘указатель дороги’. Именно последние значения и сохранились в топонимии Осетии, подтверждая и без того хорошо известную славу топонимии как хранительницы древней лексики, а также архаичных форм и значений. Но дело этим не ограничивается.

---

¹¹ В настоящее время селение Бадзыгат обезлюдело.

¹² Ср. топоним *Ingæni dor* ‘Могильный камень’ в Дигории [Цагаева 1975: 383]. Камень, стоящий вертикально (осет. *qildur*), в прошлом служил межевым знаком, указателем границы пашни (*хвуту аwæзатонæг*) [ИÆ: 74].

2.4.5. В записанном нами предании о каменных столбах, *сurt*'ах, посаженных по четырем углам селения Лац (осет. Лæс), говорится, что легендарные герои-нарты заставили великанов поставить эти столбы для разграничения мира людей (= мира героев-нартов) и мира великанов. Мифологическая основа данного предания совершенно прозрачна: освоенное, упорядоченное пространство (Космос), населенное нартами, отделено от неосвоенного пространства (Хаоса), населенного силами зла и смерти, воображаемыми границами, тянущимися от одного камня-*сurt*'а к другому. Селение Лац считается культовым центром Кургатинского ущелья Северной Осетии, а рядом с *сurt*'ами, по сообщению информантов, в прошлом стояла вооруженная охрана. У каждого *сurt*'а свое название, под ними, согласно информантам, нет захоронений [Дзицойты 2017b: 205–206, 258–266]. Таким образом, перед нами еще одна линия семантической эволюции исходного древнеиранского значения: от 'знака' — к 'указателю границ освоенного мира'. Последнее значение перекликается с тем, которое отмечено для приведенных выше топонимов¹³: и тут и там речь идет об указателе границ — в одном случае мифических границ между мирами, а в другом — границ между пастушескими угодьями.

2.4.6. Таким образом, в топонимии Осетии выявлен семантический архаизм — *сurt* 'межевой знак', 'указатель границ (угодий, территорий)'.

3. Осет. (ирон., кудар.) *kært* 'скотный двор', 'огороженное пастбище'.

3.1. Судя по словарям осетинского языка, слово *kært* имеет два лексических значения — 'двор' и 'усадыба' [Миллер 1929: 681; ИУД: 256; ИÆД, II: 412; Абаев 1958: 586]. В этнографической литературе зафиксированы еще и значения 'скотный двор', 'загон' [Калоев 1993: 120–121], 'загон для скота' [Цховребов 1986: 74], 'огороженное место', 'летняя стоянка скота' [Гамкрелидзе 1980: 47, 54]. В топонимии Осетии нами зафиксировано также значение 'огороженное пастбище'. Обратимся к соответствующему мате-

¹³ Заметим, что названия *сurt*'ов селения Лац также являются топонимами, хотя и не нашли отражения в словаре А. Д. Цагаевой.

риалу, сохранив для североосетинской топонимии значения, которыми их снабдила А. Д. Цагаева.

3.2.1. В Северной Осетии: *Bagajy kaertwat* 'Место двора Бага' — пастбище [Цагаева 1975: 25], *Kaertytæ* 'Дворы', 'Огороженные места' — «место временного содержания скота, обнесенное каменным забором» [Там же: 32], *Ræġawdaræny kaert* 'Двор тех мест, где временно содержали стадо', 'Ограждение для содержания стада' — участки для летнего содержания скота [Там же: 93], *Dælkært* 'За двором / Ниже двора' — дорога [Там же: 113], *Kaertytu kom* 'Дворов ущелье' — пастбище [Там же: 122], *Duryu kaertytæ* 'Каменные дворы' — пастбище [Там же: 152], *Kaertwat* 'Место двора' — луг [Там же: 154], *Kaertytæ* 'Дворы; Огороженные места' — «места временного содержания скота в горах» [Там же: 154], *Ræbynu kaert* 'Двор у подножия' — пастбище [Там же: 159], *Duryu kaert* 'Каменный двор', 'Каменная ограда' — «место временного содержания скота, обнесенное каменной оградой» [Там же: 233], *Kaert* 'Двор', 'Загородка' — луг [Там же: 240], *Kaerty kom* 'Ущелье с двором' — луг, «здесь много участков для летнего содержания скота были огорожены каменными заборами» [Там же: 240], *Kaerty komu cægat* 'Несолнечная, северная сторона от ущелья с двором' — луг [Там же: 240], *Fæskært* 'Позади двора' — луг [Там же: 266].

3.2.2. Любопытно отметить, что ни в Дигории, ни в равнинной Северной Осетии индикатор *kaert* не встречается. В топонимии Дигории огороженные пастбища носят названия, производные от слова *kaw* 'плетеный забор; плетень', ср. название пастбища (диг.) *Kawi æfcæg* 'Плетневый перевал' [Цагаева 1975: 341].

3.3. В Центральной Осетии зафиксирован всего один топоним на интересующий нас индикатор: *Kaertaw* 'Похожий на двор' — пастбище [ТТУ: 566]. В этом регионе, как и в нагорной Северной Осетии, места содержания скота обычно именуется *daræn(tæ)*.

3.4.1. В Южной Осетии топонимов на *kaert* намного больше и, что самое главное, в говорах Южной Осетии зафиксировано апеллятивное значение этого термина — 'огороженное пастбище' [Дзицойты 2008: 129–130]. Это же значение отмечено З. Д. Цховребовой — 'место, где держали скот на специально огороженных участках' [ТЮО, III: 314]. Ср.: *Daellag kaertytu swadon*

‘Родник у нижнего огороженного пастбища’ [Там же: 33], *Galty kærtytæ* ‘Огороженное пастбище для быков / волов’ — лес [ТЮО, I: 232], *Galty kærtytu kom* ‘Ущелье с огороженным пастбищем для быков’ — ущелье [Там же: 198], *Guc’yl kærtytæ* ‘Небольшое огороженное пастбище’ — стойбище пастухов [ТЮО, III: 80], *Kærtaхоху žwar* ‘Святылище (у) горы с огороженным пастбищем’ — святылище [ТЮО, I: 507], *Kærtwat* ‘Огороженное пастбище’ — пашня [Там же: 105], пастбище [Там же: 265], *Kærtwaty swadon* ‘Родник (у места), где было огороженное пастбище’ — родник [ТЮО, II: 547], *Kærtwættæ* ‘Места, огороженные для скота’ — лес [ТЮО, I: 343], пастбище [Там же: 368], летняя стоянка пастухов [Там же: 372], *Kærtytæ* ‘Место, огороженное для скота’ — луг [Там же: 117, 256, 463], пастбище [ТЮО, I: 129, 477; ТЮО, II: 430], стойбище [ТЮО, II: 439; ТЮО, III: 81], лес [ТЮО, III: 46, 188], пахотная земля [ТЮО, I: 452], ущелье [ТЮО, III: 314], *Kærtytu adag* ‘Овраг (у) огороженного пастбища’ — овраг [ТЮО, I: 413], *Kærtytu зуqq* ‘Овраг (у) огороженного пастбища’ — лес [ТЮО, III: 188], *Kærtytu k’æzæxtæ* ‘Скалы (у) огороженного пастбища’ — скала [Там же: 324], *Kærtytu lænčytæ* ‘Лощины у огороженных пастбищ’ — лес [Там же: 351], *Kærtytu rağ* ‘Хребет с огороженными пастбищами’ — гора [ТЮО, II: 365], *Kærtytu swadon* ‘Родник (у) огороженного пастбища’ — родник [ТЮО, III: 34], *Kærtytu ugærdæn* ‘Луг (возле) огороженного пастбища’ — луг [ТЮО, I: 117], *Kærtytu xussar* ‘Южный склон (у) огороженного пастбища’ — лес [ТЮО, III: 351], *Kærtytu хwymtæ* ‘Пашни (возле) огороженных пастбищ’ — пашня [ТЮО, I: 452], *Milaty kærtytæ* ‘Огороженные пастбища Милаевых’ — луг [ТЮО, III: 378], *Murasty kærtytæ* ‘Огороженные пастбища Мурасовых’ — пастбище [ТЮО, I: 130], *Qomty kært* ‘Место, огороженное для скота’ — лес [ТЮО, I: 102], *Styr kærtytæ* ‘Большое огороженное пастбище’ — пастбище [ТЮО, III: 83].

3.4.2. Как видно из приведенного материала, а также из прямых указаний информантов, *kært* — это пастбище в горах, за пределами села, обнесенное по всему периметру заграждениями из жердей, препятствующими скоту разбредаться и/или травить покосные участки, которые в большинстве случаев расположены рядом. Заборы в обычном понимании этого слова в горах встре-

чаются намного реже. Не встретились нам и плетневые ограды, о которых нам известно со слов старожилов¹⁴.

3.4.3. В Южной Осетии существуют всего несколько топонимов, в которых индикатор *kært* означает не ‘огороженное пастбище’, а ‘загон для скота’. Разница между ними заключается в том, что, последний тип *kært*, в отличие от первого, находился не за селом, а в самом селе и часто прилегал непосредственно к дому или оборонительной башне [ТЮО, I: 509]. Один из таких *kært*’ов стал производящей основой ойконима *Kærtytæ* ‘Загон для скота’, имеющего и второе, грузинское, название *Nabak’evi* — букв. ‘место, где был загон’ < *bak’i* ‘загон для скота’ [ТЮО, II: 135].

3.4.4. Еще один югоосетинский топоним содержит индикатор *kært* в значении ‘двор’. Это явно поздний по времени образования топоним — *Arġwany kært* ‘Церковный двор’, ‘Двор, прилегающий к церкви’ — название территории, прилегающей к одной из церквей города Цхинвал, в прошлом обнесенной каменной оградой [ТЮО, II: 281]. Т.е. значение, которое зафиксировано в словарях осетинского языка как основное, в топонимии Осетии, можно сказать, не представлено вовсе. А значения, несомненно, существующие в говорах Южной Осетии и отразившиеся в топонимии Осетии, словарями не зафиксированы. Однако есть у рассматриваемого слова и другие значения, зафиксированные нами во время экспедиций. Одно из них — ‘поляна посреди леса’, толкуемое информантом с помощью осетинского слова *ærduz* ‘поляна’ (Дзмиырское ущелье Южной Осетии), а другое — ‘селение, поселение’ (осет. *qæw*), записанное в Северной Осетии (селение Лæц).

Что касается первого из этих значений, то вспомним, что часть топонимов с индикатором *kært* — это названия различных участков леса. Очевидно, на этих участках когда-то были пригодные для выпаса поляны, которые со временем затянулись лесом. В иных же случаях *kært* — это поляна посреди леса,

---

¹⁴ Ср. топонимы *Kawdwar* ‘Ворота плетня’ — пастбище в Северной Осетии [Цагаева 1975: 32], *Kawbyd* ‘Обнесенный плетнем’ — пашня [Там же: 239], *Kawgaron* ‘Возле плетня’ — пашня [Там же], *Kawi æfcaæg* ‘Плетневый перевал’ — пастбище [Там же: 341].

используемая в качестве пастбища. Их отличие от обычных пастбищ в том, что они не обнесены заграждениями или забором.

3.4.5. Таким образом, мы вправе предполагать следующие лексические значения у слова *kært*: 1. огороженное пастбище в горах (вдали от села); 2. поляна посреди леса, используемая в качестве пастбища; 3. загон (в селе); 4. двор; 5. усадьба; 6. селение, поселение. Первые три значения являются наиболее древними. Это видно не только из анализа топонимии Осетии, но и из этимологических соответствий к осетинскому слову.

3.4.6. Установлены следующие параллели осетинского *kært*: ханты *karta* || *karda*, манси *karda* ‘двор; круг’, венг. *kert* ‘огражденное место’, ‘сад’, коми *karta* ‘загон для скота’, ‘дом, двор’, мордовское *kardā* || *kardō* ‘хлев’, *kaldas* ‘двор’, финское *kartano* ‘двор, усадьба; дом’, чеченское *kert*, ингушское *kärt* ‘изгородь’, ‘забор’, грузинское (диал.) *karta* || *kalt'a* ‘огороженное место для скота’¹⁵, мегрельское *karta* id., чувашское *karta* ‘изгородь, ограда’, ‘скотный двор, хлев’, ‘огород’, ‘круг’, татар. *kirtä* ‘ограда; препятствие’, *kärtä* ‘ограждение, двор; жердь (для ограды), граница’, башкир. *kärtä* ‘изгородь, ограда; хлев’ [Миллер 1962: 22; Абаев 1958: 587; Егоров 1964: 91; Гамкрелидзе 1980: 47–48; ЭСТЯ, I: 422–423; ср. КЭСК: 117–118], русск. (диал., из чуваш.) *калда* || *калдас* || *калдус* ‘скотный двор, загон’, *карда* ‘задний двор, загон для скота’ [Фасмер 1986: 166, 196–197], абхаз. *ag^wara* || *ag^warta* ‘ограда’, ‘огороженный кругом двор, усадьба’ [Инал-Ипа 2002: 174] и пр.

В. И. Абаев [1958: 587] резонно отклонил предлагавшуюся некоторыми учеными иранскую этимологию. По мнению В. Г. Егорова, в чувашском языке *karta* этимологизируется из глагола *kar* ‘загораживать, отгораживать’ + суфф. *-ta*, а в финно-угорские и кавказские языки это слово проникло из древне-

¹⁵ Ср. топоним *Kartiaj* в Хевском ущелье Восточной Грузии [Итонишвили 1971: 15]. В грузинском языке существует и другой созвучный термин — *kardagi* ‘селение; имение; дача’, ‘покосный или пахотный участок’, который М. К. Андроникашвили возводит к среднеперсидскому *kartak* || *kart* ‘участок (земли); кусок’ и далее к др.-иран. **krt-* ‘резать’, куда относит и осет. *kærdæg* ‘трава’, но не осет. *kært* [Андроникашвили 1966: 390–391].

булгарского языка, причем, в кавказские — через аланское посредство [Егоров 1964: 91].

Как бы то ни было, в осетинском слово *kært* не оригинально, о чем свидетельствует и его отсутствие в дигорском диалекте. Судя по приведенным параллелям, значение ‘загон для скота’ у осетинского слова исходное, а значение ‘огороженное пастбище’ — вторичное. Достаточно древним представляется и значение ‘двор’, зафиксированное во многих других языках, предполагающее перенос значения ‘загон для скота’ > ‘скотный двор’ > ‘двор вообще’.

Надежно зафиксированное в ряде языков значение ‘круг’ позволяет соотнести ‘загон для скота’ с одной этнографической особенностью скотоводов-кочевников. Вот что пишет автор IV века н. э. Аммиан Марцеллин (Деяния, XXXI, 2, 18) об аланах: «Придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки и питаются по-звериному». Эти сведения можно дополнить следующим описанием из осетинского (нартовского) эпоса: «Я ездил с товарищами на двенадцати арбах, и на ночлег остановились на берегу моря, арбы расставили мы вокруг себя, для обороны от нападения» [ПНТО, I: 17]. В примечании к данному тексту говорится: «Для предприятия мер к защите, арбы расставляются вокруг скотины и людей» [Там же: 21]. В языке осетинского эпоса существует даже специальный термин для обозначения такого вагенбурга — *wærdun buræw*, букв. ‘ограждение (*buræw*) из повозок (*wærdun*)’. Как видим, у Марцеллина и в нартовском эпосе речь идет об оборонительном заграждении, сделанном в виде круга. Как это видно из другого фольклорного текста, пространство внутри этого круга и называлось *kært*. Речь идет об историческом предании «Kwyrttaty kadæg» («Сказание о куртатинцах») ¹⁶, описывающем столкновение между осетинами и кабардинцами в далеком прошлом. Перед лицом смертельной опасности куртатинцы *sæ wærdættæ ærzdtoj, kært ærkodtoj, sæ fos astæwæj fækodtoj, sæxwydtæg dær bacydysty astæwmæ* «расставили свои арбы по кругу, сделав внутри *kært*, загнали туда скот, и

---

¹⁶ Куртатинцы — жители Куртатинского ущелья Северной Осетии.

сами расположились внутри»; и только так они смогли противостоять превосходящим силам противника [ИАС, I: 605].

Надо полагать, что в прошлом *wærdun buræw* и *kært* находились в отношениях семантической соотнесенности, т.к. пространство внутри каждого *wærdun buræw* называлось *kært*, хотя не каждый *kært* представлял собой пространство, заключенное внутри *wærdun buræw*. Эта соотнесенность была перенесена и на новые реалии — реалии оседлого скотоводства. Вот свидетельство современного этнографа об осетинах: «Двор был отделен от усадьбы плетеным или деревянным забором (быру)» [Калоев 1971: 156]. И далее: «В конце XIX в. во многих равнинных селах [Осетии. — Ю. Д.] весь двор и усадьбу стали обносить высоким забором из бульжников, скрепленных известковым раствором (дурын быру)» [Там же: 156–157]. Т.е. термины *byru* || *buræw* и *kært* из скотоводческого быта перешли в оседло-земледельческий, приобретя дополнительные значения. В современном осетинском языке *buræw* || *byru* — это ‘каменная ограда; крепостная стена; вал; ров’ [Абаев 1958: 282; ИÆД, II: 159; Чочиев 1985: 13–14]¹⁷, а также — ‘забор, плетень’ [ИУД: 194]. А термин *kært* в большинстве говоров сохранил значение ‘двор’, утратив такие, как ‘огороженное пастбище’ и ‘загон для скота’. Последние два значения сохранились только в топонимии, а также в говорах Южной Осетии.

4. Осет. (ирон., кудар.) *sirnad* ‘огороженное пастбище’.

4.1.1. В топонимии Северной Осетии: *Sirnad* ‘Сирова до рога’ — пастбище [Цагаева 1975: 39], пашня [Там же: 95], развалины селения [Там же: 285], *Siry зуqq* ‘Сирова впадина’ — пастбище [Там же: 161], *Sirnady qugom* ‘Пашня селения Сирнад’ — пашня [Там же: 255], *Sirnædy хwymtæ* ‘Пашни Сирнад’ — пашня [Там же: 255], *Wælsirtæ* ‘Выше сиров’, ‘Выше того места, где сираки’ — пашня [Там же: 264].

4.1.2. В топонимии Центральной Осетии: *Sirnædtæ* ‘Дороги сиров’ — пашня и луг [ТТУ: 575].

¹⁷ Значение ‘ров’ представлено и в топонимии Северной Осетии: топоним *Buræw* — это «ров, служивший границей между селами Дзагеппарз и Чикола» [Цагаева 1975: 492].

4.1.3. В Южной Осетии и на этот раз топонимов на *sirnad* больше, а в чисанском говоре сохранилось его апеллятивное значение: *Ættag sirnad* ‘Внешний / дальний *сирнад*’ — лес [ТЮО, I: 231], *Sirnad* — пашня [ТЮО, I: 248; ТЮО, III: 198], пастбище [ТЮО, I: 267], луг [Там же: 467], огород, а в прошлом гумно [ТЮО, II: 528], *Sirnady хwymtæ* ‘Пашня *сирнад*’ — пашня [ТЮО, I: 248], *Sirnædtæ* (форма мн.ч. к *Sirnad*) — пашня [ТЮО, I: 350; ТЮО, II: 408, 569], пастбище [ТЮО, II: 434], *Sirnædy хwymtæ* ‘Пашни *сирнад*’ — пашня [ТЮО, I: 107], *Siry зуqq* — урочище [Там же: 192].

4.2. А. Д. Цагаева делит слово на *sir-* и *-nad*, видя во втором компоненте осет. (диг.) *nad* ‘дорога’, а в первом — этноним *sirak*, т.е. название одного из сарматских племен [Цагаева 1975: 264; ТТУ: 575]. Между тем, среди приведенных топонимов нет ни одного дромонима: 11 топонимов на основу *sir(nad)* прикреплены к пашням, 5 — к пастбищам, 2 — к лугам, а по одному — к лесу, огороду / гумну, развалинам села и урочищу. Это означает, что в компоненте *-nad* следует видеть не дигорское *nad* ‘дорога’, а иронское и кударское *nad* ‘утрамбованный’. Справедливость этого вывода особенно хорошо видна на примере топонима *Sirnad* — названия гумна, т.к. гумна в старой Осетии представляли собой ровные, тщательно утрамбованные участки земли, иногда покрытые сверху тонким слоем говьяжьего навоза или известкового раствора. Но что самое главное, апеллятив *sirnad* сохранился в южных говорах осетинского языка, и означает ‘часть пастбища, выделенная под пашню и огороженная переносным плетневым забором’. Делалось это с целью унавоживания земли, а по мере получения земель нужного количество удобрений, забор перемещали на другое место [Дзицойты 2008: 157; ТЮО, I: 350]¹⁸. Приблизительно такое же толкование находим у

¹⁸ В этнографической литературе об осетинах описаны случаи выделения пашни под пастбище: «пахотные участки использовались в определенные периоды как пастбища, поэтому в одном из углов пашни часто отводили участок для скота» [Гамкрелидзе 1980: 48]. Думается, что и здесь речь идет о рассматриваемом нами *sirnad*. Использование пашенных земель для пастьбы скота практиковалось во многих других регионах [Финченко 1993: 244].

З.Д. Цховребовой, но не к апеллятиву, а к топониму *Sirmædtæ*: «Там держали скот, периодически меняя [место], дабы удобрить [землю]» [ТЮО, II: 434–435].

Учитывая сказанное, мы предложили возвести компонент *sir-* к др.-иран. **śaiθra-* ‘обитель’, ‘место’ от **śai-* ‘жить, обитать’ + суфф. *-θra-*. Ср. др.-иран. **xšaθra-* > осет. *aɣsar* ‘боевая доблесть; сила’ [Абаев 1989: 224–225; Боголюбов 2012: 84–85]. Древнеиранский глагол **śai-* ‘жить, обитать’ оставил след и в осет. апеллятиве *sux* || *sinx* ‘квартал (часть аула)’ [Абаев 1979: 215], а также в следующих топонимах Осетии: *Se-ğaw-wat*, *Se-don-gon* [Дзицкойты 2017а: 137].

Таким образом, апеллятив *sirnad* в архаизирующем переводе означает ‘утоптанное/утрамбованное место’ [Дзицкойты 2008: 157].

5. Топонимия Осетии позволяет восстановить еще два термина, в прошлом использовавшихся в значении ‘пастбище’.

5.1. Топоним *Ræğawzævæn* в Северной Осетии переводят как ‘Место возвращения стада’ — от *ræğaw* ‘стадо’ + *cævæn* «предмет для удара»; «место поворота» [Цагаева 1975: 251]. Данное толкование не представляется нам убедительным как из-за отсутствия у слова *cævæn* значения ‘место поворота’, так и в связи со странной семантикой для названия пастбища — «место, где бьют (стадо)». Но если учесть, что осет. *cævyn* ‘бить, ударять’, производным от которого и является *cævæn*, восходит к др.-иран. **čar(a)-* ‘хватать, собирать, брать; щупать’, ‘щипать, ущипнуть’ [ЭСИЯ, II: 221–222], то значение топонима можно понять как «место сбора стада», что лучше соответствует географической реалии. В качестве семантической параллели приведем название пастбища *Æmbyrды fæz*, букв. ‘Поляна собрания’ в том же регионе — от *æmbyrd* ‘собранный; собрание; место сбора’ [Цагаева 1975: 145]. Т.е. в топониме *Ræğawzævæn* сохранилось исходное, прямое значение соответствующего иранского глагола, тогда как значение ‘бить, ударять’, не поддерживаемое ни одним из иранских языков, является инновацией, возникшей на осетинской почве. Это позволяет реконструировать осет. *cævæn* *‘место сбора стада’ > *‘пастбище’.

5.2. В топонимии Осетии представлена основа *car-*, не имеющая удовлетворительной этимологии. Ближайшее по форме слово *car* ‘потолок’ не подходит сюда по своей семантике, ср.:

Cara xosdon ‘Место сена (в/на) *cara*’ — участок леса [Цагаева 1975: 143], *Cargas* — пашня [Там же: 274], *Cardon* ‘Место, (где есть) *car*’ — луг [Там же: 176], *Carojnatæ* — гора с пастбищными и покосными участками [Там же: 305], луг и пастбище [Там же: 374].

Первый из этих топонимов оформлен распространенным осет. суффиксом *-a*. Словообразовательная структура второго топонима намного сложнее. По отделении топоформанта *-as* приходим к форме **carg-*, компонент *-g-* в которой, по аналогии со словом *marg* ‘яд’ [Абаев 1973: 72–73], может быть признан непродуктивным суффиксом, восходящим к др.-иран. суффиксу **-k-*. Следы этого суффикса В. И. Абаев видит также в словах *ravg* ‘удобный случай’ [Там же: 352–353], *rong* ‘медовый хмельной напиток’ [Там же: 421–422] и т.п. Третий топоним, по справедливому мнению А. Д. Цагаевой (см. выше), содержит продуктивные осет. суффиксы — *-ojnæ* и *-tæ*. Точнее — три суффикса: *-ojnæ* + *-a-* + *-tæ*, что и дало в результате стяжения финаль *-ojnatæ*.

Оставшуюся без объяснения часть *car-* вряд ли можно отделить от др.-иран. **čar-* ‘передвигаться, двигаться; кочевать; перемещаться; пасти скот, пастись; заселять, жить’, к которому восходит осет. *caɣyn* ‘жить’ [Абаев 1958: 303; ЭСИЯ, II: 227–228], **caɣyn* ‘оживлять’ [Абаев 1958: 291], ‘спасать; выручать’. Последняя форма, как и топооснова *car-*, предполагает высокую степень корневой гласной, которую находим в др.-иран. каузативе **čāraja-*, а также в некоторых производных формах: **ni-čārana-*, **μaha-čārana-* [ЭСИЯ, II: 230]. Осет. **carojnæ* восходит к др.-иран. *čārān-ja-* и может означать ‘пастбище’. О непродуктивном суффиксе *-oj* || *-ojnæ* < др.-иран. **-āna* + **-jā* см. [Чёнг 2008: 188–189]. Осет. **carg-* (< др.-иран. **čār(a)-ka-*) и *Car-a* (< др.-иран. **čāraja-* + суфф. **-ā*) первоначально также могли означать ‘пастбище’.

6. Подведем итоги. Как показал анализ, топонимия Осетии является хранилищем древней лексики, а также древних значений некоторых осетинских слов. Часть из рассмотренных нами терминов сохранилась и в качестве индикаторов в топонимии Осетии, и в качестве апеллятивов в говорах осетинского языка. Эти слова позволяют утверждать, что скотоводческая терминология осетинского языка в прошлом была богаче и разнообразнее. А если учесть еще и те названия для ‘стойбищ’, ‘пастбищ’ и ‘выгонов’, о

которых речь шла во вводной части, то их общее количество довольно значительно. Сейчас трудно судить как о диалектной и хронологической стратификации этой лексики, так и о семантических различиях между соответствующими терминами, однако можно предположить, что они были довольно близки, что и привело к утрате многих из них.

Список условных сокращений

абхаз. — абхазский; башкир. — башкирский; венг. — венгерский; диал. — диалект; диг. — дигорский (диалект осетинского языка); др.-иран. — древнеиранский (язык-основа); ирон. — иронский (диалект осетинского языка); кудар. — кударский (диалект осетинского языка); осет. — осетинский; русск. — русский; татар. — татарский; чуваш. — чувашский.

Литература

- Абаев 1949 — В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1949 [V. I. Abaev. Osetinskii iazyk i fol'klor [Ossetian Language and Folklore]. T. I. Moscow — Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949].
- Абаев 1958 — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1958 [V. I. Abaev. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka [Historical Etymological Dictionary of the Ossetic Language]. T. I. Moscow — Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958].
- Абаев 1979 — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л.: Наука, 1979 [V. I. Abaev. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka [Historical Etymological Dictionary of the Ossetic Language]. T. III. Leningrad: Nauka, 1979].
- Абаев 1989 — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л.: Наука, 1979 [V. I. Abaev. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka [Historical Etymological Dictionary of the Ossetic Language]. T. IV. Leningrad: Nauka, 1989].
- Алборов 2005 — Б. А. Алборов. Некоторые вопросы осетинской филологии. Книга вторая. Владикавказ: Ир, 2005. [B. A. Alborov. Nekotorye voprosy osetinskoi filologii. Kniga vtoraia [Some Issues on Ossetian Philology]. Kniga vtoraia. Vladikavkaz: Ir, 2005].
- Андроникашвили 1966 — М. К. Андроникашвили. Наркъвевеби иранул-картули енобриви ургиертобидан. Т. I. Тбилиси: Изд-во Тбилисского

- университета, 1966. [M. K. Andronik "ashvili. Nark"vevebi iranul-kartuli enobrivi urtiertobidan [Studies in Iranian-Georgian Linguistic Contacts]. T. I. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta, 1966].
- Боголюбов 2012 — М. Н. Боголюбов. Труды по иранскому языкознанию: избранное. М.: Восточная литература, 2012. [M. N. Bogoliubov. Trudy po iranskomu iazykoznaniiu: izbrannoe [Selected Writings on Iranian Linguistics]. M.: Vostochnaia literature, 2012].
- Гамкрелидзе 1980 — Б. В. Гамкрелидзе. Система скотоводства в горной Осетии // Кавказский этнографический сборник. Т. V, вып. 3. Тбилиси: Мецниереба, 1980. С. 7–91. [B. V. Gamkrelidze. Sistema skotovodstva v gornoj Osetii [Cattle-raising in Highland Ossetia] // Kavkazskii etnograficheskii sbornik. T. V, vypusk 3. Tbilisi: Mecniereba, 1980. S. 7–91].
- Дзаттиаты 2002 — Р. Г. Дзаттиаты. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ: Ир, 2002. [R. G. Dzattiaty. Kul'tura pozdne-srednevekovoi Osetii [A Culture of the Late Middle Ages of Ossetia]. Vladikavkaz: Ir, 2002].
- Дзаттиаты 2005 — Р. Г. Дзаттиаты. Традиционные погребальные обряды осетин. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2005. [R. G. Dzattiaty. Traditsionnye pogrebal'nye obriady osetin [Traditional Funeral Ceremonies of Ossetians]. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriiatie im. V. Gassieva, 2005].
- Дзиццойты 2008 — Ю. А. Дзиццойты. Чысайнаг ныхасæздæхты цыбыр афыст. Цхинвал: «Южная Алания», 2008 [Yu. A. Dzitstsoity. Chysainag nyhasæzdækhty tsybyr afyst [Study in Chisan Dialect of Ossetian Language]. Tskhinvali: «Iuzhnaia Alanii», 2008].
- Дзиццойты 2017а — Ю. А. Дзиццойты. Дигорско-кударские изоглоссы в топонимии Южной Осетии // Известия СОИГСИ 25 (64), 2017. С. 134–145 [Yu. A. Dzitstsoity. Digorsko-kudarskie izoglossy v toponimii Iuzhnoi Osetii [Digor-Kudarian Isoglosses in Toponymy of South Ossetia] // Izvestiia SOIGSI 25 (64), 2017. S. 134–145].
- Дзиццойты 2017б — Ю. А. Дзиццойты. Вопросы осетинской филологии. Т. I. Цхинвал: Республика, 2017. [Yu. A. Dzitstsoity. Voprosy osetinskoi filologii [Issues on Ossetian Philology]. T. I. Tskhinvali: Respublika, 2017].
- Егоров 1964 — В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1964. [V. G. Egorov. Etimologicheskii slovar' chuvashskogo iazyka [An Etymological Dictionary of Chuvash Language]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964].

- Инал-Ипа 2002 — Ш. Д. Инал-Ипа. Антропонимия абхазов. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. [Sh. D. Inal-Ipa. Antroponimii abkhazov [Abkhazian Anthroponomy]. Maikop: GURIPP «Adugeia», 2002].
- Итонишвили 1971 — В. Д. Итонишвили. Хевис т'оп'онимик'а Тбилиси: Мецниереба, 1971. [V. D. Itonishvili. Xevis t'op'onimik'a [Toponymy of Khevisan Gorge]. Tbilisi: Mecniereba, 1971].
- Калоев 1971 — Б. А. Калоев. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1971. [B. A. Kaloev. Osetiny. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Ossetians. A Historical-Ethnographic Research]. Moscow: Nauka, 1971].
- Калоев 1993 — Б. А. Калоев. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX века. М.: Наука, 1993. [B. A. Kaloev. Skotovodstvo narodov Severnogo Kavkaza: S drevneishikh времен do nachala XX veka [Cattle-raising of Peoples of North Caucasus: From Antiquity to the beginning of XX century]. Moscow: Nauka, 1993].
- Калоев 2015 — Б. А. Калоев. Осетины: историко-этнографическое исследование. 5-е изд., стереотипное. М.: Наука, 2015. [B. A. Kaloev. Osetiny: istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Ossetians: A Historical-Ethnographic Research]. 5-e izdaniie, stereotipnoe. Moscow: Nauka, 2015].
- КЭСК — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. Переиздание с дополнением. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999. [V. I. Lytkin, E. S. Guliaev. Kratkii etimologicheskii slovar' komi iazyka [A Concise Etymological Dictionary of Komi Language]. Pereizdanie s dopolnieniem. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1999].
- Миллер 1962 — В. Ф. Миллер. Язык осетин / Пер. с нем. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. [V. F. Miller. Iazyk osetin [Ossetian Language] / Perevod s nemetskogo. Moscow — Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1962].
- Миллер 1882 — В. Ф. Миллер. Осетинские этюды. Ч. II. М.: УЗ Императорского Московского университета, 1882 [V. F. Miller. Osetinskie etiudy [Ossetian Studies]. Ch. II. Moscow: UZ Imperatorskogo Moskovskogo universiteta, 1882].
- Никонов 1965 — В. А. Никонов. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965 [V. A. Nikonov. Vvedenie v toponimiku [Introduction into Toponymy]. Moscow: Nauka, 1965].
- Трубачев 1986 — О. Н. Трубачев. Послесловие ко второму изданию «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. С. 563–573 [O. N. Trubachev. Posleslovie ko vtoremu izdaniuu «Etimologicheskogo slovaria russkogo iazyka» M. Fasmera [Afterword to the

- second edition of M. Vasmer's "Etymological Dictionary of Russian Language" // Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka / Perevod s nemetskogo i dopolneniia O. N. Trubacheva. Moscow: Progress, 1986. S. 563–573].
- Фасмер 1986 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. II / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1986. [M. Fasmer. Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka [M. Vasmer. Etymological Dictionary of Russian Language]. Т. II / Perevod s nemetskogo. Moscow: Progress, 1986].
- Финченко 1993 — А. Е. Финченко. Пастбищное хозяйство и типы выпаса скота на Русском Севере (вторая половина XIX — начало XX в.) // Этносы и этнические процессы. М.: Наука, 1993. С. 244–253 [A. E. Finchenko. Pastbishchnoe khoziaistvo i tipu vypasa skota na Russkom Severe (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.) [Cattle-raising farm and Cattle Pasture Types in the Russian North (The second half of XIX — beginning of XX century)] // Etnosy i etnicheskie protsessy. Moscow: Nauka, 1993. S. 244–253].
- Цховребов 1986 — В. К. Цховребов. Скотоводческая терминология в осетинском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1986. [V. K. Tskhovrebov. Skotovodchenskaia terminologiia v osetinskom iazyke [Cattle-raising Terminology in Ossetian Language]. Tbilisi: Metsniereba, 1986].
- Чёнг 2008 — Дж. Чёнг. Очерки исторического развития осетинского вокализма / Пер. с англ. Владикавказ — Цхинвал: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2008. [Dzh. Cheng. Ocherki istoricheskogo razvitiia osetinskogo vokalizma [Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism] / Vladikavkaz — Tskhinvali: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriatie im. V. Gassiev, 2008].
- Чиковани 1979 — Г. Д. Чиковани. Осетинский ныхас // Кавказский этнографический сборник. Т. V, вып. 2. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 29–107. [G. D. Chikovani. Osetinskiy nykhas [Ossetian Nikhas] // Kavkazskii etnograficheskii sbornik. Т. V, vypusk 2. Tbilisi: Metsniereba, 1979. S. 29–107].
- Чочиев 1985 — А. Р. Чочиев. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвал: Ирыстон, 1985. [A. R. Chochiev. Ocherki istorii sotsial'noi kul'tury osetin [Issues on the History of Social Culture of Ossetians]. Tskhinvali: Iryston, 1985].
- ЭСИЯ (II) — В. С. Расторгуева и Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. II. М.: Восточная литература, 2003. [V. S. Rastorgueva i D. I. Edel'man. Etimologicheskii slovar' iranskikh iazykov [Etymological Dictionary of the Iranian Languages]. Т. II. Moscow: Vostochnaia literatura, 2003].

- ЭСИЯ (IV) — Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. IV. М.: Восточная литература, 2011. [D. I. Edel'man. Etimologičeskii slovar' iranskikh iazykov [Etymological Dictionary of the Iranian Languages]. Т. IV. Moscow: Vostochnaia literatura, 2011].
- ЭСТЯ (I) — Р. Г. Ахметьянов. Этимологический словарь татарского языка. Т. I. Казань: Магариф — Вақыт, 2015. [R. G. Akhmet'ianov. Etimologičeskii slovar' tatarskogo iazyka [Etymological Dictionary of the Tatar Language]. Т. I. Kazan': Magarif — Vakyt, 2015].

Источники

- Габуты 2010 — Х. С. Габуты. Дæлзæхх Иры фæндыр. Цхинвал: Республика, 2010. [X. S. Gabuty. Dælzæxx Iry' fændy'r [The Lyre of Ossetian Dungeon]. Tskhinvali: Respublika, 2010].
- ИАС (I) — Ирон адæмы сфæлдыстад. Т. I. Орджоникидзе: Севгосиз, 1961. [Iron adæmy' sfældy'stad [Ossetic Folklore]. Т. I. Ordzhonikidze: Sevgosiz, 1961].
- ИÆ — Ирон æмбисæндтæ. Орджоникидзе: Ир, 1976. [Iron æmbisændtæ [Ossetian Proverbs]. Ordzhonikidze: Ir, 1976].
- ИÆД (II) — Ирон æвзаджы æмбарынгæнæн дзырдуат / Толковый словарь осетинского языка. Т. II. М.: Наука, 2010. [Iron ævzadzhy æmbarыngænæn dzyrduat / Tolkovyĭ slovar' osetinskogo iazyka [Explanatory Dictionary of Ossetian Language]. Т. II. Moscow: Nauka, 2010].
- ИУД — Ирон-уырыссаг дзырдуат / Осетинско-русский словарь. 3-ар баххæстгонд рауагъд. Орджоникидзе: Ир, 1970. [Iron-uy'ry'ssag dzy'rduat / Osetinsko-russkii slovar' [Ossetian-Russian Dictionary]. 3-ag baxxæstgond rauag"d. Ordzhonikidze: Ir, 1970].
- Миллер 1929 — В. Ф. Миллер. Осетинско-руско-немецкий словарь. Т. II. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. [V. F. Miller. Osetinsko-russko-nemetskii slovar' [Ossetian-Russian-German Dictionary]. Т. II. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1929].
- Миллер 1934 — В. Ф. Миллер. Осетинско-руско-немецкий словарь. Т. III. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. [V. F. Miller. Osetinsko-russko-nemetskii slovar' [Ossetian-Russian-German Dictionary]. Т. III. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1934].
- Нартæ 1975 — Нартæ. Цхинвал: Ирыстон, 1975. [Nartæ [Narta Tales]. Tskhinvali: Iryston, 1975].
- Нигер (I) — Нигер. Уацмысты æххæст æмбырдгонд æртæ томæй. Т. I. Орджоникидзе: Ир, 1966. [Niger. Uacmysty æххæст æmbyrdgond ærtæ tomæi [Full Collected Works]. Т. I. Ordzhonikidze: Ir, 1966].

- НК (VI) — Нарты кадджытæ: Ирон адамы эпос. Т. VI. Дзæуджыхъæу: ИПО СОИГСИ, 2011. [Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos [Narta Tales: Epics of Ossetian people]. Т. VI. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2011].
- ПНТО (I) — Памятники народного творчества осетин. Вып. I. Владикавказ: Ир, 1925. [Pamiatniki narodnogo tvorchestva osetin [Ossetian Folklore Monuments]. Vypusk I. Vladikavkaz: Ir, 1925].
- ТТУ — А. Д. Цагаева, А. И. Абаев. Топонимия Трусовского ущелья // Отчий край: Трусовское ущелье. Кудское ущелье. Кобийская котловина. Владикавказ: Проект-Пресс, 2008. С. 525–600 [A. D. Tsagaeva, A. I. Abaev. Toponimii Trusovskogo ushchel'ia [Toponymy of Tyrsy gorge] // Otchii kraj: Trusovskoe ushchel'e. Kudskoe ushchel'e. Kobiiskaia kotlovina. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2008. S. 525–600].
- ТЮО (I–III) — З. Д. Цховребова, Ю. А. Дзиццойты. Топонимия Южной Осетии. Т. I (2013), Т. II (2015), Т. III (в производстве). М.: Наука [Z. D. Tskhovrebova, Ju. A. Dzitstsoity. Toponimii Iuzhnoi Osetii [Toponymy of South Ossetia]. Т. I (2013), Т. II (2015), Т. III (v proizvodstve). Moscow: Nauka].
- Цагаева 1975 — А. Д. Цагаева. Топонимия Северной Осетии. Ч. II. Орджоникидзе: Ир, 1975. [A. D. Tsagaeva. Toponimii Severnoi Osetii [Toponymy of North Ossetia]. Ch. II. Ordzhonikidze: Ir, 1975].
- Buck 1949 — C. D. Buck. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago — London: The University of Chicago Press, 1949.